

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՀԱՐՑԻ ԱՐԾԱՐԾՈՒՄԸ 1912 ԹՎԱԿԱՆԻՆ

1912 թ. աշնանը, երբ առաջին Բալկանյան պատերազմում Բուլղարիայի, Հունաստանի, Սերբիայի և Չեռնոգորիայի միացյալ զինված ուժերը պարտության մատնեցին օսմանյան պետությանը, հայ իրականության մեջ նորից լայնորեն արժարժեց Հայկական հարցը: Խնդրի լուծման ուղղությամբ աշխույժ դործունեություն ծավալեցին հատկապես Թիֆլիսի նորաստեղծ Հայ ազգային բյուրոն, Ամենայն հայոց կաթողիկոս Գևորգ V-ը, Կ. Պոլսի պատրիարքարանը և արևելահայ ու արևմտահայ մի շարք մտավորականներ: Այս մասին մեր անվանի պատմա-րան Լեոյի արխիվում պահվում է արժեքավոր մի փաստաթուղթ, որում հանգամանորեն ներկայացված է հասարակական-քաղաքական այն մթնոլորտը, որ այդ ժամանակ ստեղծվել էր արևմտահայ իրականության մեջ: Վավերագիրը կազմել են 1912 թ. վերջերին Ս. Պետերբուրգից Կ. Պոլիս այցելած երկու հայ մտավորականներ: Փաստաթուղթը պարունակում է: հետաքրքիր տեղեկություններ այն մասին, թե Հայկական հարցի վերաբերյալ ինչ տեսակետ է իշխել արևմտահայության մեջ, թե ինչպիսի վերաբերմունք են ցուցաբերել հայ ժողովրդին հուզող այդ հարցի նկատմամբ եվրոպական մի շարք երկրների Կ. Պոլսի դեսպանները և այլն:

Խիստ բնորոշ է, օրինակ, ռուսական և անգլիական կառավարությունների դիրքորոշումը: 1912 թ. նոյեմբերի 13-ին Կ. Պոլսի պատրիարք Հովհաննես Արշարունին այցելելով ռուսական դեսպան Գիրսին խնդրել էր նրան, որ Ռուսաստանը հովանավորողի դեր ստանձնի: Հայկական հարցի նկատմամբ Դեսպանը հուսադրել է պատրիարքին և ասել, թե ռուսական կառավարությունը կարեկցում է հայերին (հետագա բանակցություններում ավելի պարզ ու որոշակի է դառնում Ռուսաստանի համակրությունը Հայկական հարցի նկատմամբ): Բայց ահա ավելի ուշ, դեկտեմբերի 24-ին պատրիարքարանի՝ Հայկական հարցով ղրադվող հատուկ հանձնաժողովի անդամ պրոֆ. Տեր-Հակոբյանը այցելում է Կ. Պոլսի անգլիական դեսպան կառավարին նույն խնդրանքով՝ օգնել հայերին: Բացահայտորեն մերժելով ու ծաղրի ենթարկելով հայ պրոֆեսորի փաստարկները, Մեծ Բրիտանիայի դեսպանը ի վերջո հայտարարում է. «Դժբախտաբար անգլիական նավերը չեն կարող մոտենալ (доплыть) վանին և Մուշին»:

Փաստաթուղթը, որը երկու հայ մտավորականների գրավոր հաշվետվությունն է 1912 թ. դեկտեմբերին Կ. Պոլիս կատարած իրենց այցելության վերաբերյալ, հաղորդում է կարևոր տեղեկություններ նաև արևմտահայ մի շարք գործիչների ու մտավորականների մասին, մտավորականների, որոնց ճնշող մեծամասնությունը, ինչպես վկայում է վավերագիրը, ունեցել է ռուսական կողմնորոշում: Բավական մանրամասնորեն շարադրված են Դրիգոր Զսհրապի, Մ. Օրմանյանի, Բ. Քեյլանի, Ն. Տազավարյանի և մյուս հայ գործիչների տեսակետները Հայկական հարցի և նրա լուծման ուղիների վերաբերյալ: Ընդհանրացնելով իրենց խոսքը արևմտահայության մասին, փաստաթղթի հեղինակները անվերապահորեն պնդում են. «Այսօր թուրքահայերի մեջ ռուսաստանական քաղաքականությունը ժողովրդական քաղաքականություն է»:

Ստորև հրապարակվող զեկուցագիրը ունի հետևյալ խորագիրը. «К Армянскому вопросу в Турции (отчет о поездке в Константинополь двух командированных С.-Петербургским Армянским кружком членов его)».

ՀԳԱ ակադեմիկոս Մ. Գ. ՆԵՐՍԻՍՅԱՆ:

Из С.-Петербурга мы выехали с курьерским поездом 24 декабря. Дорогой нашли не лишним уведомить бюро однородного с нашим Соповещения в Тифлисе и Баку о нашей миссии, изъявив готовность в случае надобности быть им полезным. Из Одессы написали два письма на имя С. С. Арутюнова и К. И. Хатисова; об этом тогда же сообще-ли известия председателя нашего Соповещения.

27-го с пароходом «Афон» выехали из Одессы и на следующий день в пятницу, в полдень, были уже в турецкой столице. На пароходе мы познакомились и разговорились с нашим случайным полутчиком, неким Янчевецким, вновь назначенным в Константинополь корреспондентом С.-Петербургского Телеграфного Агенства. По его словам, прежним корреспондентом были недовольны отчасти потому, что тот мало внимания уделял жизни турецких провинций, в частности Армении. Г. Янчевецкий непринужденно делился с нами своими воззрениями на русскую политику в Восточном вопросе; сообщил, что раньше он побывал в различных странах Ближнего Востока, жил и в Персии, где в Тегеране и его окрестностях видел и лично испытал самое теплое, родственное отношение армянского населения к русским; рассказал о своих лекциях о панисламизме, читанных им незадолго перед тем в С.-Петербурге и вызвавших возражения со стороны мусульман, недовольных указанием в его лекциях на существование панисламистического движения. На вопрос наш, не он ли автор корреспонденций из Тегерана, печатавшихся в «Новом Времени» и нападавших на армян, наш полутчик ответил, что это его брат, взглядов которого он во многом не разделяет. Поездка наша, хотя мы о ее цели ничего не сообщили Янчевецкому, и послужила корреспонденту основанием для следующей агентской телеграммы из Константинополя от 7 января, напечатанной в русских газетах: «В течение нескольких дней здесь (в Константинополе) происходили совещания выдающихся армянских деятелей, ученых, писателей, съехавшихся из разных мест, в том числе и из России». Между тем никакого совещания и съезда в Константинополе не было.

По приезде в Константинополь ни на пристани, ни в таможенные никаких затруднений и осмотров мы не встретили со стороны турецких властей, свободно въехали в город и остановились в одной из лучших гостиниц—отель «Токатлян»—на главной улице столицы, ул. Пера. Гостиницу содержит армянин Микиртич Токатлян на европейский лад, по всем данным требуемого искусства, со всякого рода удобствами и приспособлениями. В нижнем этаже, громадными окнами смотрящем на улицу, помещаются его же, лучшие в Константинополе, ресторан и кафе, привлекающие массу интеллигенции всех национальностей и представителей высшего местного общества. Сам Токатлян родом из г. Токата в Малой Азии, с приветливой внешностью и скромными манерами, оказался интересной личностью, предприимчивой и благотворительной. ОТЕЛЬ построен и оборудован им за свой счет на земле армянской церкви, которой все и должно достаться через известное число лет.

Выйдя из гостиницы на улицу, мы очень кстати встретили хорошо знакомого нам художника Терлемезяна, который любезно взялся проводить нас в редакцию армянской газеты «Бютания», там мы надеялись встретить некоторых из наших знакомых, прежде всего д-ра Я. Х. Завриева.

В редакции мы узнали, что в этот день, т. е. пятницу, когда обыкновенно происходят заседания Армянского Национального Собрания, имеет быть последнее перед праздниками заседание. Мы тотчас же поспешили туда присутствовать на заседании и познакомиться с депутатами, членами Национального Собрания. Но, к сожалению, заседание, за отсутствием кворума, не могло состояться, и бывшие налицо депутаты почти все уже успели разойтись к нашему приходу. Мы лишились возможности увидеть так сильно интересовавшее нас представительное учреждение армян в Турции.

Нам сообщили, что на следующий день (в субботу) имеет быть заседание особой комиссии при Правлении Национального Собрания. Здесь же мы познакомились с одним из членов Национального Собрания, состоящим одновременно депутатом от Ванского вилайета в оттоманском парламенте, Вааном Папазяном, братом известного беллетриста. Знакомство это было для нас чрезвычайно полезно: он оказал нам большие услуги и содействие во все время нашего пребывания в Константинополе.

Мы осмотрели зал Национального Собрания, более чем скромный и по размеру и по обстановке, вошли в находящееся тут же помещение так называемого центрального училища, средне-учебного заведения западного типа. Инспектор его, г. Налбандян, сообщил нам некоторые данные о школе, об учащихся (150) и учителях (26). Осмотрели затем церковь посреди небольшого двора, застроенного кругом зданиями; для нас были новостью расставленные в церкви скамьи наподобие католических и лютеранских церквей.

С небезынтересными впечатлениями мы вышли из этого центра наших национальных учреждений и направились в редакцию упомянутой уже газеты. Были налицо весь редакционный состав и главные сотрудники: ответственный редактор Р. Зардарян, Папазян (брат Ваана и Вртанеса, бывший монах Маштоц), Хачатрянц, бывший инспектор Санасаровской школы, а также Акнуни (Малумян), Заварян, д-р Захриев и др. В их обществе провели весь вечер; к нам присоединился потом Топчянц, сотрудник и корреспондент немецких газет.

На следующий день утром (29 декабря в субботу) мы пошли вновь в патриархат. Озабоченные выполнением нашей миссии, мы хотели осведомиться прежде всего о том, что предприняли или намерены предпринять армянские официальные круги, патриархат с Национальным собранием, в условиях текущего политического момента.

В заседании своем от 21 декабря Национальное Собрание, выслушав доклад Национального Правления о принятой им тактике действий и программе в вопросе реформ в Армении, выразило свое доверие Национальному Правлению, одоблив его точку зрения. В том же заседании депутат Шарибян заявил от имени партии Дашнакцутюн, что она, оставив свои теоретические стремления, присоединяется к требованиям дня, чтобы поддержать единодушные армянского народа в столь жизненном вопросе о преобразовании армянских областей (Отчет о заседании см. в № 35 газеты «Араджамарт» от 22 декабря).

Мы узнали, что при Национальном Правлении образована особая комиссия, выделенная им из своего состава, под названием Комиссии безопасности, в числе восьми членов, и ей вверено ведение всех дел, связанных с Армянским вопросом в новой его фазе. Комиссия заседает под председательством патриарха, епископа Иоаннеса (Аршаруни); членами ее состоят: бывший патриарх, епископ Егише (Дурян), архимандрит Григорис (Балакян), архимандрит Гнел (Калемкарян) и г. г. председатель Национального Правления Стефан Караян и члены его Оскан Мартикян, главный инспектор в турецком министерстве финансов, ныне состоит министром почт и телеграфов в младотурецком кабинете Махмуда Шевкет пашы, Ваан Папазян, проф. Тер-Акопян. Работа и само существование Комиссии должны были быть строго конфиденциальными. После того, как Святейшим католикосом всех армян был поднят официально Армянский вопрос обращением к русскому правительству, и ответственное ведение его было принято им на себя, Национальное Правление получило возможность формально отстраниться от официального участия в этом ходатайстве перед международным.

концертом. Но Национальное Правление, по понятным причинам, воздерживаясь от открытого выступления, в то же время находило нужным осведомлять, поддерживать и отчасти направлять католика в его обращении к державам. С этой целью оно и избрало упомянутую Комиссию с обязательством действовать во всем согласованно с главой армянской церкви и оказывать ему содействие доставлением необходимых материалов, сведений и соображений.

Деятельность Комиссии безопасности выразилась в разработке проекта предполагаемых и приемлемых с армянской точки зрения реформ, в открытии сношений и ведении переговоров с представителями европейских держав и, главным образом, с русским посольством в Константинополе. Кроме того, Комиссия издает выпусками и распространяет в надлежащих сферах материалы и сообщения, имеющие целью представить фактическое положение вещей в Армении и выяснить нужды и меры их удовлетворения в жизни армян Турции.

Проект реформ (основные положения) был подготовлен Комиссией в середине декабря, снабжен географической картой с точным указанием подлежащей преобразованию территории в пределах шести армянских вилайетов. К карте приложена статистическая таблица населяющих очерченную территорию народностей и соотношения между армянским и всеми другими различными этническими элементами мусульманской массы в отдельности. Мы запаслись копиями этого проекта и таблицы, которые предлагаем вниманию Совещания. Поэтому да будет нам позволено не останавливаться на них и перейти к изложению тех переговоров и сношений, которые вела Комиссия с посольствами в Константинополе и вне Турции.

Ноября 13 числа патриарх, в сопровождении г. г. Оскана и Зораба, посетил русского посла гофмейстера М. Н. Гирса и, обратив его внимание на тяжелое положение армян в Турции, просил, чтобы в настоящий исторически важный момент, когда идет война во имя эмансипации христианских народностей от мусульманского владычества, не были забыты армяне, изнывающие в мусульманской среде. Посол, при котором находился первый драгоман г. Н. Мандельштам, спросил патриарха о том, что творится ныне в армянских провинциях, и не улучшилось ли положение армян по сравнению с тем, что было раньше? Патриархом было указано, что положение армян в отдельных провинциях остается по-прежнему тревожным, не исключаяющим частичных избиений, пражбей и разорительных набегов необуздываемых властями диких племен.

Русское правительство относится к армянам сочувственно, заявил г. посол, и очень желало бы улучшить их положение в Турции, но как— вот затруднительный вопрос. Какое средство предлагали бы вы сами, армяне?

Для нас, армян, одно ясно,—ответил патриарх,—что наше спасение во всяком случае не от турок. Мы убеждены, что турки, даже при желании, бессильны создать для нас иные и лучшие условия быта. Единственная надежда наша на великую христианскую державу, которая могла бы устроить нашу судьбу хотя бы так, как обставила Австрия Герцеговину.

Слова патриарха, по-видимому, подействовали на посла и он сказал, что для ликвидации последствий войны предвидится конференция представителей держав и на ней возможно будет рассмотрен также Армянский вопрос.

Посол пожелал узнать, все ли партии и общественные группы у армян солидарны в своих политических чаяниях по данному вопросу,

а также—как высоко стоит авторитет католикоса в глазах турецких армян? На что последовал утвердительный ответ со стороны патриарха.

Посол сообщил, что русское посольство предупредило турецкое правительство, чтобы оно не разместило мухаджиров (переселенцев) из Румелии в вилайетах близ русской границы. При прощании посол отметил одобрительно, что армянская пресса ведет себя тактично и благоразумно по отношению к политическому моменту.

Второе свидание имело место между Осканом эфенди и г. Мандельштамом (28 декабря). Разговор вращался вначале вокруг вопроса о проектируемых Портой реформах для армянских вилайетов, причем г. Мандельштам интересовался отношением армянского патриархата к этому предприятию турецкого правительства. Затем Оскан эфенди сам задал вопрос, не получены ли ожидаемые из С.-Петербурга инструкции?

Выдвигать Армянский вопрос сейчас, ответил г. Мандельштам, и с тем расчетом, чтобы поставить его на рассмотрение конференции, мы признаем нецелесообразным и невыгодным, и именно в интересах самого вопроса. Дело в том, что Тройственное согласие не рассчитывает на поддержку Тройственного союза в Армянском вопросе и думает, что последний скорее будет противодействовать. Вот почему нет основания выносить Армянский вопрос на обсуждение шести держав в конференции, созываемой для улаживания спорных вопросов, возникших на балканской почве. Державы Тройственного согласия могут сговориться между собою по Армянскому вопросу и разрешить его помимо Тройственного союза.

Г. Мандельштам пожелал узнать, в чем заключается миссия армянской делегации в Париже. Оскан эфенди объяснил, при каких условиях зародилась мысль о делегации, и что она находится в связи с обращением католикоса к русскому правительству и является естественным результатом переговоров, которые вел в С.-Петербурге епископ Месроп от имени католикоса. Оскан эфенди указал также на то, что делегация пока ничего активного не предприняла, имела лишь свидание с министром иностранных дел Франции, с г. Пуанкаре, и заручилась содействием французского правительства.

Затем зашла речь о существе армянских реформ и драгоман спросил г. Оскана, не имеется ли у патриархата готового проекта и в чем он состоит?

Оскан эфенди ответил, что прежде, чем думать о своем проекте, нам необходимо узнать планы русского правительства. При составлении проекта мы хотели бы базировать на инструкциях, исходящих от посольства, дабы могли дать себе отчет о пределах возможного и стали бы на твердую почву реализуемых стремлений. То, что мы можем и имеем сейчас заявить, независимо от ваших указаний, это—сознание необходимости европейского контроля в деле реформ; вот единственное и необходимое условие всякого преобразования в нашем быту и положении.

Стало быть, нежелательно, чтобы общий правитель был турок, заключил г. Мандельштам.

—Ни в коем случае, опыт показывает, что турок по существу своему не пригоден для внесения улучшений в нашу жизнь. Нам нужен контроль вроде того, что вводится в Македонии.

—Все ли партии так думают?—спросил г. Мандельштам.

—Если речь идет о партии Дашнакцутюн, то она в Армянском

вопросе действует единодушно с Национальным Собранием; между нами нет разногласия.

В заключение г. Мандельштам заговорил об убийстве в Ване армянина Гапамаджяна и интересовался узнать, не дашнакцаканское ли дело это убийство; и услышав от Оскана эфенди, что дашнакцаканская печать по поводу распространившихся слухов об виновниках преступления заявила, что партия давно отказалась от террористических актов, г. Мандельштам заметил, что это очень важно, так как русское правительство чрезвычайно отрицательно относится к террору.

На следующий день после этого свидания, 29 декабря, г. Мандельштам пригласил к себе Оскана эфенди и просил его представить в посольство проект тех реформ, которые считаются желательными в патриархате. Оскан эфенди воспользовался случаем и сообщил основные пункты проекта, намеченные в Комиссии безопасности. Г. Мандельштам находил, что проект должен быть достаточно разработан, примерно в объеме майского акта 1895 года.

На следующий день утром г. Мандельштам еще раз просил к себе Оскана эфенди и выражал недоумение по поводу полученного им сведения о том, что Нубар паша едет в Лондон с целью добиться рассмотрения Армянского вопроса на конференции. Обстоятельство это, по словам драгомана, не соответствует видам русского правительства, как было сообщено на одном из предыдущих переговоров самому Оскану эфенди. Г. Мандельштам говорил об этом взволнованно, как показалось г. Оскану, и последний счел нужным успокоить его, заявляя, что слухи эти не заслуживают доверия и вовсе не оправдываются имеющимися в патриархате более достоверными сведениями.

Переговоры с посольством, в лице г. Мандельштама, имел также д-р Я. Х. Завриев, который является самым ярким представителем русофильской политики в константинопольских армянских кругах. Ему принадлежит, собственно говоря, и инициатива сношений с русским посольством. Первые шаги к сближению и к взаимному пониманию во имя общих интересов с русским посольством были сделаны тем же Завриевым еще при г. Чарыкове. Правдивостью своих воззрений и искренностью убеждений Завриев снискал доверие интересующихся нашим вопросом лиц в посольских кругах. В беседе с г. Мандельштамом он неоднократно развивал мысль о том, что армяне—естественные союзники русских среди дикой и некультурной массы темного населения Турции, и потому имеют основание и надежду на покровительство России не только в своих интересах, но и в интересах русских. Многое, что сообщил нам Оскан эфенди из переговоров своих с посольством, мы услышали и из уст Завриева, как результат его бесед с г. Мандельштамом.

Заручившись доброжелательным отношением русского посольства, патриархат или вернее Комиссия при нем стала зондировать почву и у других посольств.

31 декабря состоялось свидание с французским послом. Посол заявил, что по Армянскому вопросу существует единодушие между державами Тройственного согласия и не скрывал, что в случае коллизии между Англией и Россией, пострадает Армянский вопрос. Ввиду этого советовал армянам поддерживать связь и добрые отношения с обеими державами. Что касается реформ, то, познакомившись с проектом, составленным Комиссией безопасности, в его главных чертах, французский посол нашел его в общем приемлемым и осуществимым. Только заметил, что вместо общего правителя или комиссара, может быть, лучше было бы ограничиться требованием европейского

контроля. Посол интересовался узнать, не Россия ли та держава, которой должно быть поручено, как сказано в проекте, осуществление принятых реформ. Ему ответили, что составители не имеют в виду непременно только Россию, а любую из заинтересованных держав, которая пожелает взять на себя эту задачу по соглашению с другими державами. Затем посол спросил относительно делегации и пожелал узнать, преследует ли она определенную политическую задачу в Европе, в смысле давления на державы, или же является выражением долга вежливости по отношению к дружественным державам.

Еще раньше, за неделю перед этим свиданием, 24 декабря проф. Тер-Акопян, член комиссии, посетил английского посла сэра Лаутера и от имени патриарха просил обратить внимание на плачевное положение армян. Прием посла был не из приветливых.

—Что хотят армяне?—обратился недоумевающим тоном посол к посетителю.

—Положение армян остается по-прежнему безутешным,—отвечает Тер-Акопян.—Убийства, разбои и всякого рода насилия против жизни и имущества омрачают быт мирного населения, не поддерживаемого правительством против насильников.

—Наши консулы ничего такого не доносят нам, по нашим сведениям, убийства происходили только в районе Сгерт.

—Убийства обычное явление во всех провинциях и становятся неизбежными вследствие того, что армяне безоружны, а курды вооружены; у армян отбирают оружие, а курдов вооружают. Вот почему никто из армян не уверен и не может быть уверен в завтрашнем дне.

—Курды, в действительности, мирный и послушный народ, как же это они бесчинствуют?—возразил английский посол.

—Все несчастье нашей страны в том, что нет опирающейся на закон справедливой власти. Турки разрабатывают законы и издают их, но абсолютно беспечны или бессильны провести их в жизнь, чем открывается простор разгульным страстям диких племен и произволу невежественных чинов.

—Стало быть, в чем требование армян?—спрашивает посол.

—Обеспечение жизни, чести и имущества—вот единственное наше желание.

—Как в Англии?—прерывает посол.

—О, нет! Нам еще далеко до Англии; лучшие наши пожелания сводятся к тем элементарным понятиям, которые составляют неотъемлемое достояние последнего англичанина.

—К сожалению, английские суда не могут приплыть к Вану и Мушу,—сказал посол,—и потому, какое значение могут иметь все разговоры о реформах, огарантии и пр...

Тут одно из двух присутствующих посольских лиц замечает, в виде возражения послу, что, если Европа отречется от армян и не позаботится устройством их судьбы, то положение их в Турции еще более ухудшится и они вынуждены будут протянуть руку к соседней им России.

—Это значило бы,—вставляет посол,—из руки черта ринуться в море (т. е. из огня да в полымя).

—Не лучше ли,—возражает то же лицо,—утонуть в море, чем мучиться в руках черта?

В это время встает Тер-Акопян и заявляет, что цель его посещения—передать просьбу патриарха через посла английскому правительству об оказании содействия разрешению Армянского вопроса. По рассказу Тер-Акопяна, при этих его словах, посол заметно смутился и в совер-

шенно другом, более корректном, тоне заявил, что просьбу патриарха обязательно донесет английскому правительству.

Когда Тер-Акопян уходил, то к нему подошел присутствовавший во время беседы первый драгоман, бывший консул в Эрзеруме, г. Финчморис и старался успокоить смущенного Тер-Акопяна, уверяя, что взгляд посла не соответствует видам и политике английского правительства, которое же очень благожелательно настроено по отношению к армянам и Армянскому вопросу.

Комиссия решила осведомиться и относительно немецкой точки зрения на Армянский вопрос и поручила Зорабу пересговорить об этом с германским послом в Константинополе. Свидание еще не состоялось, когда мы были там. Относительно позиции, занятой Германией в отношении армян и Армянского вопроса, имелись интересные сведения из Киликии, что германские консулы, по собственной инициативе и предупредительно посетили там армянских епархиальных начальников и расспрашивали о нуждах и желаниях армян, заявляя о готовности германского правительства оказать в деле реформ свое содействие.

Что касается Австро-Венгрии, то переговорить с министром иностранных дел г. Бертольдом взялись венские мхитаристы по собственному почину. Аббат их вместе с отцом Калемкаряном представился названному лицу и после того, как по наивности рассказал ему все, что им было известно о переговорах католикоса с русским правительством, просил со своей стороны содействия австрийского правительства в Армянском вопросе. Министр им заявил, что Армянский вопрос не входит в программу занятий конференции послов, и если, так или иначе, удастся внести его в конференцию, то участвующие в ней представители держав должны будут доложить об этом своему правительству и получить соответствующие инструкции. За сим министр расспрашивал относительно действительного положения армян в Турции, продолжают ли убийства и насилие и насколько жизнь безопасна. Отцы представили ему экземпляр отпечатанных константинопольским патриархатом документов о положении армян на французском языке за 1908—1912 г. (Комиссия любезно дала нам несколько экземпляров этого издания для членов нашего совещания; их мы передали председателю). Министр хотя повторяет, что конференция не уполномочена заниматься Армянским вопросом, тем не менее советует обратиться к державам, авось они пожелают возбудить и этот вопрос.

Комиссия со своей стороны послала одного из своих членов, архимандрита Гнела, к венгерскому министру—президенту г. Лукачу и, принимая во внимание его армянское происхождение, хотела скорее ознакомиться с его воззрениями и пользоваться его советами, чем просить помощи. Г. Лукач принял очень радушно вардапета, был польщен вниманием патриарха и когда о. Гнел обратился к нему с армянской речью, то он извинился, что хотя и армянин, но не знает армянского языка. Г. Лукач, выслушав сообщение отца Гнела, высказался в том смысле, что многое зависит от Англии и что надо хлопотать перед английским правительством.

По пути в Венгрию о. Гнел, согласно данному ему поручению, представился болгарскому царю Фердинанду. Царь говорил с ним долго и почти в интимной обстановке и, памятуя то сердечное отношение, которое армяне проявили к ссыльным болгарам в глуши Малой Азии, считал себя и болгар обязанными оплатить чем-нибудь армянам. Но сознавался, что он бессилен в решении Армянского вопроса, и советовал обратиться к великому русскому царю.

Таковы официальные переговоры и сношения, которые вела Комиссия от имени патриарха с представителями европейских держав.

В деятельности Комиссии достойны внимания также издаваемые ею материалы на армянском и французском языках. Важны в особенности: 1) издаваемые на французском языке важные документы, характеризующие положение армянских провинций (вышло два выпуска); 2) ведомости о земельных захватах на армянском языке (четыре выпуска), заключающие в себе богатые фактические данные по земельному вопросу, столь жизненному для армянского населения Армении, принявшему резкий, угрожающий характер. Объективные данные ведомостей ярко рисуют и документально свидетельствуют о злом банкротстве турецкой государственности, о вопиющем господстве анархии и жулачного права под номинальной властью турецкого правительства, а часто и при прямом и заведомом попустительстве. Комиссия безопасности любезно нам доставила экземпляр этих ведомостей, предлагаемых ныне вниманию Совещания. Дополнением к ведомостям является прилагаемая также книжка депутата от Мушского санджака в оттоманском парламенте Гегама Карапетяна «Земельный вопрос в вилайетах, населенных армянами»; 3) Комиссией составлена и отпечатана также статистическая таблица населения в пределах шести армянских вилайетов, каковую таблицу помещаем здесь к вниманию Совещания (см. лист на французском языке) (տիւն յեր ծինիթիւնիւն ինքնիշխանիւն ինքնիշխանիւն.—Մ. Գ.).

Пребывая в столице Оттоманской империи, поддерживая постоянные сношения с посольствами, в особенности с русским, находясь в центре мероприятий, действий и важнейших факторов, распоряжающихся судьбами Армянского вопроса, Комиссия безопасности полагала, что католикос и образованная им во главе с Погосом пашою делегация должны для пользы дела поддерживать с ней регулярное общение, держать ее в курсе своих действий и фактов, а также считаться в своей деятельности с соображениями и планами ее. В этом отношении Комиссия не была довольна образом действий и некоторыми шагами делегации и питала надежду, что католикос реорганизует состав, программу и способ действий делегации в интересах целесообразности и успешности ее деятельности. В этом смысле Комиссия обратилась с подробным письмом к патриарху католикосу, а за несколько дней перед этим, ввиду волнения, вызванного в русском посольстве известием о предполагаемой поездке делегации в Лондон, телеграммой просила католикоса телеграфно удержать делегацию от каких-либо шагов впредь до получения мотивированного письма.

Что касается позиции, занятой делегацией в отношении Турции, надо отметить, что она старалась придерживаться полной лояльности, не становясь на путь сепаратизма: требовать и добиться осуществления реформ, признанных самой же Турцией,—такова позиция делегации.

Под влиянием усиления в армянском населении требования реформ в Армении и пробуждения интереса к Армянскому вопросу со стороны держав, в особенности России, кабинет Кямиля паши, быть может, имея в виду перехватить в свои руки инициативу и руководство делом, решил самому заняться этим вопросом, поручив министру внутренних дел Решиду паше изготовить проект реформ для вилайетов, населенных армянами. Проект этот совершенно неудовлетворительный по содержанию и характеру своему и территориально предполагал ограничиться применением лишь к четырем вилайетам (Ван, Битлис, Харпут, Диарбекир).

Порта пригласила бывшего патриарха архиепископа Малахию (Ормаиан), Т. Келекяна, редактора турецкой газеты «Сабах», П. Кюлпейкяна, известного ювелира, и д-ра Тагаваряна для выслушания их заключения и мнения по этому проекту. Ввиду выраженного некоторыми слоями армянского общества недовольства по поводу этого приглашения, оттоманским правительством было объяснено, что названные лица приглашены не в качестве официальных представителей армян, а как сведущие, по его мнению, в подлежащих обсуждению вопросах. Приглашенные лица указали на многие существенные дефекты, делающие проект вперед мертворожденным; возразили против ограничения территории Армении четырьмя вилайетами вместо шести и заявили, что армянское население потеряло доверие к турецкому правительству, которое может быть восстановлено лишь решительными мероприятиями к улучшению положения армян. О дальнейшей судьбе проекта ничего не было известно, падение же кабинета Кямиля паши обрело и его на смерть.

* * *

Ознакомившись с положением дела в армянском патриархате и в турецком кабинете министров, в его официальной, так сказать, постановке, мы считали своим долгом также проследить движение армянской общественной мысли в Константинополе по данному вопросу вне патриарших кругов. Правда, предположения и постановления Комиссии являлись сами по себе выражением общественного голоса и в разработке их участвовали не одни члены комиссии, тем не менее, мы сочли нужным обходить наиболее видных представителей разных общественных или партийных групп, дабы лично убедиться, насколько образ действия и политика Комиссии отражают общие желания и как обосновывают его отдельные деятели.

I. Прежде всего мы посетили патриарха епископа Иоаннеса (Аршаруни) и бывших патриархов епископа Егише (Дурян) и архиепископа Малахию (Ормаиан). Патриарх и епископ Егише входили в состав Комиссии, поэтому мы считали лишним тревожить их новыми расспросами. Посещение наше патриарха Иоаннеса на дому, в частной его квартире, совпало с днем его тезоименитства и мы принесли одновременно и наши поздравления по этому поводу. Патриарх производит впечатление благодушного старца традиционного типа, обладающего добрыми качествами, смиренного и доверчивого инока. Предшественник его епископ Егише (Дурян) те же черты соединяет с необыкновенною привлекательностью и интеллигентностью при благородном монашеском настроении.

II. Что касается архиепископа Малахия (Ормаиан), то он по внешности резко отличается от упомянутых иерархов. Для своего роста очень полный, для своих лет (72 года) слишком подвижной, он разговаривает очень охотно и притом с таким веселым настроением, которое не должно было, казалось, гармонировать с положением опального человека. Свойственная ли это его натуре черта, или временное проявление, навеянное вынесенным ему недавно Национальным Собранием оправдательным приговором, трудно определить. Преосвященный Малахия говорит с улыбкой на лице, часто прерывая свою речь выразительными и резкими на турецкий лад возгласами, заменяющими выражение: «не правда ли». Мы были у него два раза; в первый раз беседовали с ним в семейной обстановке, в обществе его сестры, племянниц и близких родственников. Надо заметить, что в Константинополе не только архимандриты, но и епископы, даже патриархи живут на манер

святенников у себя дома или у своих родных,—обстоятельство столь непривычное для нас и чуждое нравам монашествующего нашего духовенства. Во второй раз мы явились к нему со специальной целью интервьюировать его по интересующему нас вопросу. Прежде всего Ормания остановился на делегации Нубара паши, с которой было связано и его имя. Он нам рассказал, что его святейшество католикос особым кондаком от 10 ноября 1912 года назначил Погоса пашу делегатом, чтобы тот вместе с другими лицами, духовными и светскими, представил армянскую тяжбу на конференцию послов. При этом Ормания показал нам копию кондака, откуда мы занесли в свою записную книжку следующее место:

«Կարգեմք զՍեր Կենսափայլութիւն ներկայացուցիչ Մեր ընդ ալ և հոգևորական և աշխարհական անձանց եւ խնդրեմք ի Ձեր լանձն անոնց երթալ ի վեհաժողով (կոնֆերենցիա) և անաչի անել պաշտօնաւորաց երկրպալան պետութեանց զխնդիր հայոց ե զտեղեկագիր Մեր, հայցելով զմիջորդութիւն նոցա անողրաւի կացութիւնս»:

Погос Нубар паша, пользуясь предоставленным ему в кондаке правом по организации делегации, обратился к Орманияну с письмом, в котором приглашал его примкнуть к делегации в качестве главного его советника и сотрудника. Подлинные слова письма Погоса паши гласят: «c'est pourquoy ma première pensée a été de vous demander votre précieux concours auquel j'ai Hiche personnellement une grande importance. Je dois du reste vous avouer, que votre nom ma été suggéré d'Etchmiadzin même...»

На письмо паши Орманиян ответил, что пока он находится под обвинением в Национальном Собрании, он не может согласиться, при всем своем желании, на такую серьезную миссию, где требуется прежде всего, доверие нации. Вскоре после того его тяжба в Национальном Собрании кончилась благополучно. Но тогда же был получен номер «Мшака» с известным сообщением правителя канцелярии католикоса архимандрита Баграта о том, что архиепископу Орманияну никаких поручений не дано его святейшеством по турецко-армянскому вопросу. После такого официального заявления канцелярии католикоса Орманиян не находил для себя возможным принять предложение Погоса паши, как бы оно ни было близко его сердцу. Орманиян думает, что выступление вардапета Баграта вызвано внушениями константинопольских ему враждебных кругов при патриархате.

Переходя к Армянскому вопросу по существу, оказал бывший патриарх, к тому, что вас интересует, я думаю, что он будет рассмотрен не ранее весны. Пока идут переговоры о мире, для заключения коего понадобится еще несколько недель. Затем пойдет ликвидация результатов войны по дележу добычи между союзниками с соучастием Румынии. Эти спорные вопросы также поглотят месяцы. После всего этого наступит наша очередь, если только державы серьезно намерены сделать что-нибудь для нас. Армянский вопрос, повторяю, если только ему суждено стать предметом дипломатических переговоров, будет обсужден во всяком случае не на конференции послов. Насколько я близко в сложный узел интересов европейских держав в Малой Азии, в частности интересов и задач Тройственного согласия, наш вопрос может быть разрешен только Тройственным согласием. Этого требует, прежде всего, русская дипломатия. Русские не могут мириться с тем, что права, приобретенные ими в С.-Стефано, были узурпированы державами на Берлинском конгрессе. И очень естественно, чтобы русская дипломатия действовала в духе С.-Стефанского договора, игнорируя

положения Берлинского конгресса, т. е. старалась изъять Армянский вопрос из ведения держав и направить его в сферу влияния хотя бы своего и своих союзниц. А это значит не выдвигать Армянский вопрос на конференции послов всех держав. Одним словом, заключил Орманиян, задачу русской дипломатии я понимаю так: если Берлинский конгресс произвел *renversement* положения, созданного в С.-Стефано, то русские должны стремиться к *ge-renversement*, т. е. к обратному повороту к С.-Стефано. Если это возможно, то разве только при содействии дружественных России держав Англии и Франции, Тройственный союз может только мешать.

Что касается существа реформ, продолжал Орманиян, то, конечно, лучше всего было бы создать из армянских вилайетов нечто вроде Ливана, если то угодно будет Тройственному согласию. Впрочем, не это существенно: любое из преобразовательных предначертаний, проектированных Европой или даже Турцией в истории нашего вопроса нас бы удовлетворило, если бы только оно осуществилось. Но осуществления-то и нельзя ожидать от Турции, а необходимо давление извне, главным образом со стороны России. Вмешательство России в дела Турецкой Армении нам желательно и выгодно. Я не разделяю пессимистических взглядов некоторых армянских кругов даже на случай оккупации или аннексии Россией армянских областей. Российские армяне, в условиях русской политической жизни, имеют возможность развиваться и культурно, и экономически, и национально. Мое убеждение, что Турция, предоставленная самой себе, не в состоянии оказать нам какую-нибудь действительную помощь в смысле проведения реформ, столь настоятельных для нормального развития нашей жизни в Турции. Действия турецких правительств в этом отношении всегда не так надежны и безрезультатны. Армяне окончательно изверились во всякое турецкое правительство, и я об этом прямо заявил министерству, когда в числе 4-х был приглашен на совещание по поводу проектируемых правительством реформ для армянских вилайетов. Ни из этого, ни из других проектов ничего не выйдет, если не будут угрозы и требования, в особенности со стороны России.

III. Зная что Орманиян близок с министром иностранных дел Габриэлом эфенди Норатункяном, мы попросили его устроить нам свидание с министром так, чтобы он с нами побеседовал не официально и дипломатично, а более доверительно и откровенно. Через два дня Орманиян дал нам знать, что он виделся с Норатункяном и нам назначено свидание на утро 1 января. К назначенному часу мы были в гостинице Габриэла эфенди, в его собственном доме. Через несколько минут он сам вышел к нам и провел в свой кабинет. С самого же начала министр, взяв в свои руки нить нашей с ним беседы, сам приступил к расспросам и сообщениям. Дольше, чем была надобность, Норатункян расспрашивал нас о нас самих, затем как бы вспомнив, что несколько лет тому назад попечительством Санасаровской школы (одним из членов коего состоит Норатункян) была предложена одному из нас должность ректора этой школы, он стал подробно рассказывать о том, как и почему попечительство было вынуждено перевести школу из Эрзерума в Сивас. На замечание наше, что русские армяне отнюдь не одобряют этого, Норатункян указал, что еще учредитель школы (Эзев и др.) вовсе не думал, что она непременно и исключительно должна быть в Эрзеруме, и стал подробно объяснять преимущества и удобства пребывания школы в Сивасе. Все это время постоянно приносили министру пакеты и бумаги, визитные карточки, докладывали о приходе того или другого лица. Наконец мы повернули разговор и объяс-

нили ему цель нашего приезда в Константинополь и, в частности, посещение его. Быть может неловко и не деликатно, оговорились мы, обратиться к руководителю иностранной политики и члену кабинета министров Турции по Армянскому вопросу. Но нам, армянам, было бы еще более непростительно, если бы в такой исторический момент мы игнорировали его, пренебрегали его советами в столь жизненном для всего армянства вопросе, в котором он наиболее сведущий, может быть, единственный компетентный армянин. Вот почему, не только истербургские армяне, но вообще армянские круги везде считают своим долгом узнать его мнения и воззрения по волнующему нас вопросу и его соображения о возможном его исходе. Норатункян ответил, что он рад и готов вполне откровенно высказаться по данному вопросу, ибо не имеет желаний, да и не видит надобности окрывать свои воззрения. Он вполне свободно высказывает их и в совете министров, где его коллеги по кабинету вполне благожелательно настроены к нуждам армян. Будут ли даны реформы армянам? По мнению Норатункяна, это зависит от того, будет ли реформирована Турция вообще. Если в Турции установятся лучшие порядки, то армяне, как элемент наиболее культурный, трудоспособный, более других и раньше других используют это улучшенное положение вещей. Но министр не дал ответа, имеются ли какие-либо гарантии улучшения порядков в Турции, устойчивости настоящего правительства и прочности его благих пожеланий. Относительно реформ армяноких вилайетов Норатункян сообщил, что в реформируемую территорию теперь вводится шесть (а не четыре) вилайетов, которые делятся на две зоны, в различной степени подлежащие реформированию (таким образом, турецкое правительство и само отказалось от предполагавшегося им первоначального ограничения территории Армении). Подробности он предложил нам узнать у Орманияна. В это время доложили о приезде итальянского посла. Мы встали и раскланялись. Свидание наше продлилось не менее 40 минут, но мы остались неудовлетворенными. Можно ли надеяться, что турецкое правительство по своей инициативе, понимая действительные нужды и пользы своего государства, даст Армении необходимые реформы? Прямого ответа мы от Норатункяна не получили, но косвенно ответ был отрицательный. Надежды армян он связывал не с местной реорганизацией Армении, а с реформой всей Турции, всегда сомнительной. О реформе же Армении он предложил расспросить Орманияна, категорически заявившего нам, что эта реформа может быть результатом лишь давления извне, а не добровольной инициативы Турции.

IV. Петрос Аладжян, бывший министр в младотурецком кабинете Саид паши, сравнительно еще молодой человек, красивой наружности которого соответствует, по-видимому, и мягкость натуры; говорит он необыкновенно приятно, тоном изысканным, обнаруживающим его происхождение из столичных армянских аристократических кругов. Г. Аладжян и поныне числится еще в рядах партии «Единения и прогресса». Однако, он не находится в курсе партийных дел, по собственному его признанию, отчасти потому, что вследствие болезни в последнее время он лишен был возможности встречаться со своими политическими единомышленниками и отчасти по другим причинам. Поэтому те вопросы, которые нас интересовали и на которые надеялись от него получить ответы, остались без должного освещения. Свидание наше было полезно в том отношении, что он сообщил нам очень ценные сведения касательно проникших в газеты слухов о курдской автономии, якобы исходящей от турецких кругов, особенно враждебных армянам. Г. Аладжян уверял, что турки, и в особенности младотурки, ни в коем

случае не согласятся на автономию курдов. В деле признания начал децентрализации и известных прав нетурецких национальностей на самоуправление младотурки, как убежденные сторонники централизма и туркизма, в особенности не так уступчивы и непримиримы относительно народностей мусульманских, но не турецких, напр., албанцев, арабов, курдов. Стремясь к созданию численно сильного и сплоченно-объединенного мусульманского ядра в государстве, турецкого по настроению и самосознанию, младотурки рассчитывают всех мусульман нетурок претворить в турок без особого труда, благодаря вероисповедной близости, и потому всякое признание за ними какой-либо самобытности и самоопределения, как прямо идущих в разрез с преследуемой им задачей туркизации, отвергается младотурками с последовательной и неуклонной настойчивостью. Поэтому, по мнению г. Аладжяна, младотурки скорее армянам дадут автономию, чем курдам. На обособление курдов никогда не согласятся, хотя и, конечно, будут всячески заманивать и баловать курдов, привлекать их к себе. Г. Аладжан считает опрометчивым стремление младотурок к упразднению международного контроля над частями турецкой территории. Этот контроль—лучшая международная гарантия сохранения этих областей за Турцией. Вот упразднили этот контроль над Македонией, предоставили Турции самой и только своими силами удерживать ее под своим суверенным господством, и Турция оказалась не в силах сделать это. Кто знает, была ли бы Балканская война, смогли ли бы балканские союзные государства так широко отторгать территорию европейских вилайетов у Турции, будь на ней власть европейского контроля. Судьба Крита до сих пор, вопрос об ограждении Албании от подчинения Сербии, Черногории и Греции—иллюстрации к этой мысли. В этом смысле установление европейского протектората над Арменией, с сохранением суверенитета Турции, было бы гарантией неотторжимости этой области из-под власти Османской империи.

В. Григорий Зораб, адвокат по профессии, писатель, общественный деятель и депутат турецкого парламента от столичного армянского населения, представляет собою крупную фигуру, обращающую на себя внимание не одних армянских сфер. Человек высокообразованный, с большим и ясным умом,—ум, которому подчиняется гибкий и красноречивый язык,—говорит с большим темпераментом, почти с юношеским жаром. По подвижности его нельзя думать, что он превалил 50 лет и уже имеет взрослого женатого сына. Красноречие его несколько адвокатское, как и манера речи, согревается непринужденным юмором и легко увлекает за собою слушателя. Впрочем, убежденность тона его речи звучит скорее как уверенность в солидарности с ним слушателя, чем в правоте собственных взглядов.

Узнав о нашей миссии и о цели нашего посещения, он сейчас [же] приступил к делу, сам ставил вопросы и сам же отвечал.

—Будет ли Армянский вопрос поставлен на конференции послов и желательно ли с точки зрения наших интересов добиваться этого?

—По моему мнению,—заявил г. Зораб,—оправдываемому и имеющимся у меня сведениями официального характера, Армянского вопроса не коснется конференция, программа которой строго определена. Для России предпочтительнее, чтобы Армянский вопрос был поставлен и разрешен не на конференции послов, а в сообществе Тройственного соглашения. Горевать нач и жалеть об этом вряд ли есть основание, если принять во внимание, что наш вопрос зависит преимущественно от держав Тройственного соглашения, претендующих на исключительное влияние в восточных странах Турции (Армения, Сирия и Месопотамия).

лютамия). Суть желанных реформ заключается в назначении верховного комиссара (или, как я думаю назвать, «валиазама») под покровительством держав. Все остальное не имеет существенного значения и можно мириться с наличными в Турции институтами; можно оставить и ныне существующие административные деления. Словом, все, что в случае изменения должно пройти через законодательные учреждения, следует оставить по-прежнему во избежание осложнений. Преобразование армянских областей надо обставить юридически так, чтобы оно не задевало елико возможно действующих имперских законов и установлений и в своем осуществлении зависело бы, главным образом, от верховной власти, конструируясь в ущерб или в счет суверенных прав султана, делегируемых им же в той или другой форме и мере комиссару.

Главная наша опора в Армянском вопросе—Россия, по праву соседства и по степени заинтересованности. России необходимо обеспечить свое влияние в прилегающих к ее пределам турецких областях; ей нужно даже утвердиться там, как на важном этапе при ее поступательном движении к открытому южному морю. На этом пути ее единственные друзья, наиболее надежный оплот—армяне; и это тем более неоспоримо, что того требуют, прежде всего и помимо всего, реальные интересы обеих сторон. Армяне, представляя значительную силу на месте, могут своим содействием обеспечить России возможность мирного проникновения в Армению. Россия со своей стороны должна им обеспечить возможность мирного культурного, национального развития. В беседе с лицами из русских посольских крутов я постоянно развиваю и поддерживаю эту точку зрения, выдвигаю начало взаимных услуг по формуле *donant, donant*, на основе общих интересов. Русские очень интересуются численностью армян в турецкой Армении; по крайней мере первый драгоман г. Мандельштам часто задает мне вопрос относительно количества армян и размера занимаемой ими территории. Касающиеся сюда сведения, сообщенные ему из армянского патриархата, не удовлетворили его. Г. Мандельштам еще недавно сам пришел ко мне и выразил свое сомнение в том, не преувеличено ли патриархатом количество армян и не слишком ли далеко доведена граница армянской территории до Сиваса. Я его успокоил, указывая на то, что все имеющиеся статистические данные о народонаселении Турции, в частности об армянах, не заслуживают доверия, ибо турецкому правительству еще чужда статистика в настоящем смысле слова. Но дело вовсе не в этом; если бы даже армяне составляли в действительности меньшинство по численному количеству, все же не надо забывать, что в качественном отношении они имеют бесспорный перевес, являясь силой экономической, интеллектуальной, и представляя из себя сплоченную массу со всеми данными, характеризующими национальность в европейском смысле слова. А что касается того, что и Сивас по проекту армян включается в пределы подлежащей реформе армянской территории, то при этом мы руководствуемся также и интересами России; и мы даже думаем, что включение Сиваса отвечает более русским видам, чем армян.

Опасаться гнета русокой власти и ввиду этих опасений предпочитать для Армении свободу от влияния России неосновательно, по мнению Зораба, как бы то ни было, даже при режиме гнета, мы все-таки не лишимся возможности развиваться в условиях русокой политической власти; к тому же Россия страна молодая, государство будущего, и тот гнет, о котором так много говорят, не всегда будет господствовать в России. Рассчитывая на поддержку и содействие России, армяне

должны благоразумно воздержаться от предъявления требований, кажущихся чрезмерными или недопустимыми с точки зрения России, чтобы суметь обеспечить для себя на первое время осуществление хотя бы того малого, что содержится в умеренном проекте реформ, одобренном Россией; остальное дополнит и сделает будущее. По курдскому вопросу в русском посольстве объяснили Зорабу, что Россия не прочь подготовить и использовать курдов, но никогда не станет пользоваться ими или поддерживать их против армян.

VI. Келекян, редактор турецкого правительственного органа (официоза) «Сабах», преподает международное право в константинопольском турецком университете; имеет свободный доступ к высшим правительственным лицам до садразама включительно; накануне нашего посещения был принят султаном в аудиенции, подробно описанной в газетах; ходили слухи, что предполагается назначение его сенатором. Сам он назвал себя наполовину армянином; заявил, что живет службой в Турции и турецкому правительству, армянское же его происхождение и армянская деятельность пользы и выгоды принессти ему не могут; правда, он интересуется всем, что касается армян, следит за литературой и печатью, но только в часы досуга и для собственного удовольствия, так как он армянин, воспитан в армянском духе, работал раньше в армянской прессе и отрешиться от всего этого он не может. В турецких правительственных кругах Келекян, по его словам, подтвержденным и другими, пользуется безусловным доверием и принимается как свой человек; пользуется некоторым влиянием и имеет возможность быть всегда осведомленным в видах и действиях правительства, так как каждый день, как редактор официоза, посещает министров и министерства в целях информации и инструктирования. Армянского вопроса в настоящий момент не существует, заявил Келекян, т. е. объяснил он, Армянский вопрос существует, как существует, напр., вопрос польский, финляндский, но не существует в смысле вопроса, возбужденного перед международным трибуналом и поставленного на его разрешение. Впрочем, это лишь вопрос времени; Армянский вопрос рано или поздно будет, конечно, привлечен к разрешению и, по мнению Келекяна, Армения неизбежно должна достаться на тех или иных условиях России, движение которой на юг неотвратимо. Келекян твердо убежден в банкротстве Турции и турок, которые не способны вообще к политической созидательной деятельности; не останутся без сокрушительных последствий и преступления, совершенные Турцией и турками. Армянам и Армении нечего ждать для себя реформ от Турции и турецкого правительства: Турция не способна, да и не склонна, по своей инициативе дать эти реформы. Автономия Армении спасла бы эту область от отпадения от Турции под власть России, но турки не могут этого понять; да и если бы понимали, нет у них патриотизма. Их настоящая родина и отечество в глубине Средней Азии. Малая же Азия, а тем более Балканский полуостров, были и остались для них чуждой страной, лишь предметом эксплуатации. Страны эти для них лишь данницы, а не отечество, с которым они были бы связаны нравственными узами, для которой принесли бы в жертву свои интересы. Келекян нам сообщил, что он, несколько не стесняясь в выражениях, отозвался в том совещании, на которое он был приглашен министерством в числе 4-х армян для обсуждения правительственного проекта реформ Армении, и что даже Кямил паша, после заседания, через доверенное лицо просил его не бояться и продолжать высказываться с такой же прямоотой и откровенностью. Реформы могут быть осуществлены лишь при принудительном введении их державами. Скорее же

всего случится то, что Россия единолично вмешается. Власть России, по мнению Келекяна, имеет свои положительные стороны, но имеет и отрицательные, для нас, армян невыгодные; в особенности было бы желательным отдалить время подчинения Армении России, дать возможность армянскому населению более окрепнуть и усилиться численно и экономически, чтобы можно было успешнее противостоять возможному гнету русского правительства. К сожалению, в этих вопросах, не мы, армяне, являемся решающими, а воля сильных держав, и разрешение Армянского вопроса последует тогда и так, когда и как захотят державы. В армянском широком обществе Келекян не пользуется доброй славой: его считают «журналчи», впрочем, этот эпитет прилагается ко многим. Он был секретарем в Национальном Правлении при Измирляне, тогда же ходили слухи, что он доносит обо всем турецкому правительству. Келекян в свою очередь самого нелестного мнения о нынешних армянских деятелях, о наличном составе Национального Собрания и его органов. «Всех их я бы перевешал,—выразился он с резкостью озлобленного человека.—Они ничего не делают, болтают, шумят только и наносят вред нации. Я не против народного самоуправления, а против таких форм и этих лиц».

VII. Бюзанд Кечян—редактор газеты «Бюзандион», крупный издатель и публицист. Живо интересовался, расспрашивал о политическом положении в России, о Государственной Думе, о партиях. Рассказал, как Гучков, приехав в Константинополь, беседовал в армянском обществе и высказывался против полной автономии Армении, как невыгодной России, и как они старались убедить его, что армяне автономии не добиваются, но что интересы и требования армян совпадают с интересами России. Кечян высказывался за протекторат России над Арменией, говоря, что на Турцию нет и не может быть надежды. Правда, и русское правительство имеет недостатки, недостойные правительства крупного, сильного и культурного государства, напр., не дают свободных казенных земель на Кавказе нуждающимся армянам-земледельцам: это мелочность, не имеющая [ни] оправдания, ни, достаточных оснований в российских земельных масштабах. Но надо надеяться, что с прогрессом эти недостатки устранятся. От турецкого правительства можно было бы ожидать блага, если бы оно честно признало необходимость перехода к системе децентрализации и поручило бы европейцам ведение всех важных должностей по управлению и суду. Однако, на возможность этого Кечян смотрит крайне скептически.

VIII. Тагаварян, член оттоманского парламента первого созыва, родом из Сиваса, прекрасный знаток провинциальной жизни империи, еще минувшим летом предпринял путешествие в Армению и объезжал все армянские вилайеты со специальной целью ознакомиться с хозяйственным бытом страны и составом населения. Наблюдения его показывают, что имеются целые районы омусульманившихся армян. Значительная мусульманская полоса вокруг Эрзерума и Эрзингяна, если не сплошь, то в существенной части несомненно армянского происхождения. Во многих местах Пасена, Тортума, Байбурта и в окрестностях Эрзингяна жители хотя именуют себя мусульманами и говорят по-турецки, но тип их, многие особенности их быта, некоторые обычаи, обрядности изобличают их христианское происхождение. В некоторых районах, напр., в Тортуме сохранилось даже предание о времени и условиях обращения христианского населения в ислам.

Как перечисленные выше лица, которых мы посетили со специальной целью расспросить об их мнении, так и ряд лиц и деятелей литера-

турных, политических, общественных, которых мы встречали довольно часто и беседовали подолгу за дни нашего пребывания в Константинополе, в сущности были проникнуты почти одной и той же политической программой. Полное отчаяние в отношении турецкой государственности, ее способности реформироваться и что-либо реформировать, искание опоры и основы для необходимых армянских реформ в понудительном давлении на Турцию со стороны европейских держав и, в особенности, во вмешательстве России—таковы основные начала названной программы. Русофильская тенденция, так традиционно сильная в населении Турецкой Армении и в прежние времена не лишённая популярности в Константинополе, ныне является доминирующим настроением во всем армянском обществе.

Голоса, указывающие на отрицательные и опасные стороны русского режима, опасные для национально-самобытного развития армян в случае подпадения Армении под власть России, остаются в одиночестве. Равным образом не встречают сочувствия и пессимистические воззрения некоторых кругов, которые полагают, что при существующем, хотя и по роковому недоразумению, в русских руководящих сферах недоброжелательном к армянам отношении, едва ли можно положиться на них, и опасаются, как [бы] чрезмерные увлечения русским именем без солидной гарантии со стороны русского правительства не повели к новым бедствиям, не обагрили покинутую страну новой кровью... Все же голоса, повторяем, звучат диссонансом в общем хоре тяготения к русским и остаются без влияния на ход общественной мысли. Русофильская политика сейчас является народной политикой среди турецких армян, и именно на это обстоятельство ссылаются и в этом ищут опоры и утешения армянские политические деятели в минуту раздумья и сомнений. «В настоящее время,—говорил нам дрожащим голосом старик, председатель Национального Правления,—мы, ведущие политику армянского народа, переживаем слишком ответственную минуту. Правильный ли путь избирается нами, не совершаем ли мы политической ошибки, придерживаясь этой, а не иной линии. На эти вопросы ответит будущее... Мы же, ответственные деятели, можем сказать лишь, что путь, нами выбранный, был указан не одними лишь нашими собственными соображениями и пониманием положения вещей, а всем национальным настроением, и что если мы ошиблись, то ошиблись вместе со всей армянской нацией...»

Января 1913 года

С.-Петербург

ԾԱՆՈԹԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆ

Զեկուցագիրն ունի հավելված, որ բերված է Բվական տվյալների աղյուսակ Արևմտյան Հայաստանի մի շարք գավառների բնակչության էթնիկական կազմի մասին: Հարկ չհամարելով այստեղ կանգ առնել նրա մանրամասների վրա, նշենք, որ ըստ այդ տվյալների 1912 թ. էրզրումի վիլայեթում բնակվում էին. հայեր 215 000, Թուրքեր 240 000, վանի վիլայեթում՝ հայեր 185 000, Թուրքեր 47 000, Բիթլիսի գավառում՝ հայեր 180 000, Թուրքեր 40 000, Խարբերդի գավառում՝ հայեր 168 000, Թուրքեր 102 000 և այլն: Հավելվածի ծանոթագրությունում ասված է, թե հայերի թիվը այս աղյուսակում լրիվ չէ, քանի որ այնտեղ հաշվի չեն առնվել այն շրջանները (գավառակները), որոնցում փոքր է եղել հայ բնակչության թիվը: